УДК 1(091)(470)«19»:355.01+929Франк

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.182

Социально-христианская концепция войны в трудах С.Л. Франка

Я.В. Бондарева, А.В. Леонов

Государственный университет просвещения, г. Москва

На основе учения С.Л. Франка о соборности и дихотомии внутреннего (духовно-нравственного) и внешнего (институционально-правового) бытия человека раскрываются метафизические предпосылки отношения мыслителя к вооруженному насилию. Ключевое внимание уделяется понятию «трагического компромисса»: война трактуется как вынужденное зло, которое христианин может избрать лишь в ситуации обороны от агрессии, сознавая его греховность и нуждаясь в покаянии. Формулируются критерии «справедливой войны» в интерпретации С.Л. Франка (оборонительный характер, легитимная власть, соразмерность средств и надежда на мир). На материале работы «С нами Бог» показано, как категории служения и жертвы позволяют нравственно оправдать участие в военных действиях, не превращая насилие в добродетель. Делается вывод, что концепция С.Л. Франка занимает срединное положение между эсхатологическим пацифизмом и милитаризмом, предлагая оригинальный для русской религиозной философии образец христианского политического реализма, сохраняющий актуальность в современных дискуссиях об этических границах применения силы.

***Ключевые слова**: С.Л. Франк, война, социально-христианская концепция, соборность, дихотомия внутреннего и внешнего бытия, трагический компромисс, справедливая война, христианский политический реализм, служение, жертва, нравственный компромисс, этика ненасилия, покаяние.*

Введение

Проблема осмысления феномена войны занимает одно из центральных мест в истории русской религиозно-философской мысли первой половины XX века. Эпоха мировых войн и революций поставила перед мыслителями того времени сложнейший вопрос: возможно ли нравственное оправдание вооруженного насилия с позиций христианской этики, в основе которой лежат заповеди любви к ближнему и непротивления злу? В поисках ответа на этот вопрос сформировалось несколько принципиальных позиций – от эсхатологического пацифизма Н.А. Бердяева до национально-патриотической «философии вооруженной силы» И.А. Ильина. Особое место в этом спектре мнений принадлежит Семену Людвиговичу Франку (1877–1950), чья социально-христианская концепция войны представляет собой попытку найти нравственный компромисс

© Бондарева Я.В., Леонов А.В., 2026

между евангельским идеалом и трагической реальностью вооруженного противостояния.

Актуальность обращения к наследию С.Л. Франка определяется не только историко-философским интересом, но и современными дискуссиями о границах этически оправданного применения силы, о соотношении личной нравственной позиции и политической необходимости. В условиях возобновляющихся вооруженных конфликтов и споров о «справедливой войне» выстроенная С.Л. Франком модель трагического действия, когда христианин вынужден участвовать в войне, сознавая ее греховность, но считая меньшим злом по сравнению с попустительством агрессии, сохраняет свой эвристический потенциал.

Степень изученности темы в современной литературе достаточно высока. Отдельные аспекты философии войны С.Л. Франка рассматривались в работах Е.В. Алёхиной, К.М. Антонова, Ю.В. Колесниченко, А.Ю. Коробова-Латынцева, В.П. Кошарного, В.Н. Бабиной, А.Д. Куманькова, В.Л. Курабцева, А.А. Скворцова, Л.Э. Сутягиной и других исследователей [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Однако целостного анализа, который бы систематически связал метафизическое учение о соборности и дихотомию внутреннего и внешнего бытия с конкретными этическими выводами С.Л. Франка о войне как о «трагическом компромиссе», до сих пор не предпринималось. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

Целью данной работы является реконструкция и систематический анализ социально-христианской концепции войны в трудах С.Л. Франка, включая ее метафизические основания, основные принципы и практические импликации.Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: выявить онтологическую основу понимания войны С.Л. Франком в его учении о соборности и разграничении внутреннего и внешнего слоев человеческого бытия; раскрыть содержание понятия «трагический компромисс» как ключевой характеристики отношения христианина к вооруженному насилию; проанализировать критерии «справедливой войны» в интерпретации С.Л. Франка; исследовать идею служения и жертвы как формы нравственного оправдания участия в военных действиях, особенно на материале работы «С нами Бог».

Концепция соборности и обществакак «внутреннего» и «внешнего» бытия человека

Философия войны С.Л. Франка представляет собой один из наиболее глубоких и нравственно напряженных опытов осмысления феномена вооруженного насилия в русской религиозной мысли первой половины XX века. С.Л. Франк относится к тем мыслителям, «которые не принимали участия в боевых действиях и не были на фронте, но которые живо откликнулись на тему войны в своей философской публицистике и в целом в философской деятельности» [5, с. 4]. В отличие от И.А. Ильина, разрабатывавшего национально-патриотическую «философию воору-

женной силы», или от Н.А. Бердяева, склонного к эсхатологическому пацифизму, С.Л. Франк создаетсоциально-христианскую концепцию войны, укорененную в его метафизике соборности и теории внутреннего и внешнего бытия человека. Центральный парадокс его подхода заключается в попытке найти нравственное оправдание участия в войне без отказа от евангельского идеала ненасилия и любви к врагам. Эта попытка разворачивается как трагедия неизбежного нравственного компромисса, где война предстает не как благо или норма, но как «великое и страшное дело» – вынужденное служение, требующее жертвы и очищения: «Вопрос об оправдании войны, об ее объективном, общечеловеческом смысле заключает в себе одну коренную антиномию, одно необходимое сплетение разнородных и сталкивающихся мотивов. Оправдать войну – значит доказать, что она ведется во имя правого дела, что она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в человеческой жизни какие-либо объективно-ценные начала» [10, с. 403]. Поэтому такое оправдание, поиск справедливых основ войны осуществляется не через подмену узкоэгоистических интересов воюющих сторон, а через осознание ее абсолютной истинности и праведности: «Без веры в абсолютную, объективную нравственную ценность, а не только относительную, утилитарно-эгоистическую ценность своей цели психологически невозможны ни то самоотвержение и напряжение действенной воли, которое необходимо в столь трудном и мучительном деле, как война, ни – что еще важнее – моральная ответственность за участие в бедствиях, которые несет с собой война… оправдание войны не может опираться на чьи-либо частные интересы, а должно опираться на интересы или блага общечеловеческие, которые одинаково ценны и обязательны для всех» [10, с. 403].

Поэтому выход из сложившейся антиномии в проблеме оправдания войны философ видит в отказе от абсолютизации узконациональных мотивов: «Всякое оправдание войны, смысл которого сводится к тому, что сама сущность одной из борющихся сторон признается выражением абсолютного блага, а другой – выражением абсолютного зла, заранее должно быть признано ложным» [10, с. 404]. Тем более для философа неприемлема позиция, «которая находит источник зла в самой основе национального духа противника» [10, с. 404], поскольку обнаруживает личное пристрастие, возводимое воюющей стороной в абсолют. В этой части важен тезис С.Л. Франка «никто не может и не должен отречься от себя, признать злом свою национальность как таковую» [10, с. 405]. Поэтому философ делает вывод о необходимости выявления фундаментального, общего принципа, оправдывающего войну, принимаемого всеми воюющими сторонами: «Отыскание смысла войны, в чем бы оно ни заключалось, должно быть подчинено общему требованию, чтобы та правда, во имя которой ведется война, была действительно общечеловеческой, равно необходимой не только нам, но и нашему противнику» [10, с. 405].

Так, говоря о войне с Германией, С.Л. Франк отмечает: «Мы должны понимать эту войну не как войну против национального духа нашего противника, а как войну против злого духа, овладевшего национальным сознанием Германии, и – тем самым – как войну за восстановление таких отношений и понятий, при которых возможно свободное развитие всеевропейской культуры во всех ее национальных выражениях. Мы должны искать идею войны только в том, что смогут и должны будут признать и сами наши противники, когда у них раскроются глаза и они поймут то заблуждение мысли и воли, в которое они впали» [10, с. 406]. Иными словами, философ призывал не отождествлять духовные источники зла одной из воюющих сторон (как бы глубоко они ни были заложены в исторической ретроспективе) с «метафизической основой национальности … врага» [10, с. 406].Любые проявления зла в национальной жизни нужно рассматривать как следствие заблуждений нации и ее движения по неверному пути. Отказ от этого пути – единственное условие для того, чтобы нация вернулась к своему истинному и внутренне жизнеспособному началу.

Вспоминая слова Гёте «Богу подвластен Восток, богу подвластен Запад!», С.Л. Франк готов придать этим словам статус знамени войны с Германией, чья вина, возможно, как раз в том и состоит, что она забыла их, утратила всякое понимание религиозного взгляда на мир, из которого они рождаются, и, отвернувшись от собственных великих мудрецов, поддалась соблазну безыдейного и безрелигиозного национального высокомерия. Эта война – не столкновение Запада с Востоком, а борьба между теми, кто стоит за право, и теми, кто служит грубой силе, между хранителями святынь общечеловеческого духа (в том числе подлинного вклада германского гения в этот дух) и их хулителями и разрушителями [15, с. 487–495]. Только осознавая это, по мнению философа, можно обрести истинное оправдание великой европейской войны. Это суждение подтверждается исследователями, в фокусе внимания которых находится не просто отношение С.Л. Франка к войне как к социально-политическому феномену, но его поиск нравственного оправдания войны: «Решение проблемы оправдания войны Франк находил в моральной сфере, полагая, что столь крупный вооруженный конфликт, каким была Великая война, может быть оправдан только как сражение за высокие религиозно-нравственные идеалы. Только в таком случае возможным становится преодоление нравственной противоречивости войны» [7, с. 38].

Метафизической основой понимания С.Л. Франком войны служит его учение особорности, кафоличности бытия и дихотомии внутреннего и внешнего слоев человеческого существования. Эта дихотомия, детально сформулированная в работах «Духовные основы общества» (1930) и «Непостижимое» (1939), позволяет С.Л. Франку избежать как утопического коллективизма, так и атомарного индивидуализма, создавая пространство для реалистической политической этики.

Соборностью С.Л. Франка трактуется не просто как церковный или социальный институт, а как онтологический принцип единства «Я» и «Ты», «я» и «мы», который предшествует любому разделению и атомизации. В отличие от славянофильской трактовки, где соборность часто понималась как идеальный тип общины, С.Л. Франк подчеркивает ее метафизическую первичностьпо отношению к индивидуальному сознанию. Человек, с точки зрения философа, не становится личностью через общение – он уже изначально включен в соборное единство, подобно тому как звук существует лишь в гармонии с другими звуками. «Мы» не есть сумма «Я»; «Мы» есть то первичное целое, из лона которого рождается каждое «Я». Эта интуиция восходит к позднему шеллингианству и христианскому платонизму, но получает у С.Л. Франка уникальное социально-философское преломление.Однако соборность, будучи онтологической данностью, в эмпирической реальности общества раскрывается через сложное взаимодействиедвух слоевчеловеческого бытия – внутреннего(или духовного, органического, любовного) ивнешнего(или правового, институционального, принудительного). Это разведение понятий «внутреннего» и «внешнего»и есть ключ ко всей социальной философии С.Л. Франка и его этике войны.Внутреннее бытие представляет собой сферусердечности, любви, свободного единения, где действует не закон, а благодать, не принуждение, а добровольное служение. Здесь царит соборность в ее подлинном, чистом виде как единство в свободе и любви. Это царство целостности иливсесубъектности (в терминологии А.В. Смирнова), где отношения между людьми подобны отношениям членов единого тела по аналогиицерковного единства с телом Христовым. Во внутреннем слое нет места войне, ибо конфликт разрешается через взаимопроникновение и сострадание, где «Ближний» действительно есть «Я сам в Другом».

Внешнее бытие, напротив, представляет собой сферу общественного «объективированного» духа с его государственной организацией, правом, экономикой, армией и т.д. Эта сфера трактуется как область организации, где отношения строятся на принципах формального равенства, юридической ответственности и, что важно для нашегоисследования, легитимного принуждения. Внешний слой, по мысли С.Л. Франка, не есть чистое зло или грехопадение, поскольку он необходим как удерживающий каркас общества, без которого органическая жизнь рассыпается в хаос. Государство с его законами, границами и правоохранительными органами есть, по С.Л. Франку, условие возможности духовной жизни, ее внешняя ограда. Однако законы внешнего слоя есть законыпричинности, а нелюбви,они лишь регулируют конфликты, но не снимают их духовно.Именно здесь, в сфере внешнего бытия,и формируется почва для войны. Война трактуется философом как феномен исключительно внешнего онтологического слоя, возникая тогда, когда рушатся

правовые механизмы разрешения конфликтов между государствами, которые, будучи коллективными субъектами, по преимуществу принадлежат этому внешнему слою. Но – и это решающий момент – в войну оказываются вовлечены живые люди, которые суть одновременно и граждане (как функции внешнего слоя), и личности (как носители образа Божия, как субстанция внутреннего слоя). Глубинная трагедия войны, по С.Л. Франку, заключается именно в этом онтологическом разрыве, когда человек вынужден действовать по законам внешнего бытия (например, убивать, разрушать), оставаясь ответственным перед законами внутреннего бытия с его любовью к ближнему и заповедью «Не убий».

Таким образом, концепция соборности вовсе не отменяет войны как реальности внешнего мира, но она задает систему координат для ее оценки. С одной стороны, война есть симптом распада соборности на межгосударственном уровне, торжество внешнего над внутренним, механизма над организмом. С другой стороны, именно глубокая укорененность человека в соборном целом – национальном, культурном, религиозном – делает для него участие в войне не просто политической обязанностью, но экзистенциальным императивом защиты того «мы», без которого невозможно его собственное «я». В этой части С.Л. Франк полностью отходит от либерально-пацифистской иллюзии, в соответствии с которойдля человекавполне возможно занимать позицию абсолютно мирного индивида, стоящего над схваткой. Напротив, человек всегда находится ужевнутри соборного тела, и когда этому телу угрожает насильственная смерть, он не может оставаться безучастным, поскольку его собственная онтологическая целостность оказывается под ударом.

Проблема войны в контексте христианской политики:трагедия неизбежности и нравственный компромисс

На основе метафизического разведения внутреннего и внешнего С.Л. Франк выстраивает то, что можно назватьхристианским политическим реализмом. В отличие от двух крайностей – радикального пацифизма, представленного, например, толстовством, и «священной войны» с их крестовымипоходами, С.Л. Франк предлагает третью позицию, которую он сам характеризует как«трагический компромисс» (в книге «Свет во тьме»). Более того, философ рассматривает войну как катализатор соборного объединения народа: «Общество, проходя через испытания войны, должно сплотиться и солидаризироваться, равно как и народы после войны должны найти в себе силы преодолеть разобщение, нравственно переродиться» [7, с. 38]. А «неспособность сохранить приверженность правде и справедливости, неготовность служить общему делу во имя всего человечества» [7, с. 38] может трактоваться как истинная причина поражения государства в войне.

Ключевыми работамифилософа по этой проблеме являются военные статьи периода Второй мировой войны, особенно «С нами Бог»(1946), в которых он формулирует фундаментальную антиномию

христианской политики.Христианство, утверждает С.Л. Франк, исходит из абсолютного нравственного идеала: «не противься злому», «любите врагов ваших», обращаясь квнутреннему бытиючеловека, к его личной святости. Действительно, в плане личной этики христианин призван к непротивлению, ибо насилие всегда оскверняет душу, однако политика есть сфера внешнего бытия, где сталкиваются объемные коллективные тела – народы, государства, каждое из которых имеет свою правду и свои интересы. Поэтому прочтение через призму политики евангельских заповедей в их буквальном, абсолютном виде может привести к опасной утопии, которая, по мысли С.Л. Франка, оборачивается фактическим потворством злу.

В критике толстовства С.Л. Франк занимает жесткую, принципиальную позицию, доказывая: если государство, руководствуясь принципом непротивления, осуществит роспуск армии и открытие границы агрессору, оно в таком случае совершит не акт святости, но акт предательства по отношению к вверенным ему миллионам жизней. Безусловно, личная святость есть удел избранных, однако политик в полной мере несет ответственность за жизнь всего народа, включая «малых сих», неспособных к духовной брани. Поэтому отказ от защиты слабого перед лицом насилия понимается философом не как христианская любовь, а как христианскаяиндифферентность. Словом, «основное отличие в отношении к войне толстовца и христианина можно выразить так: толстовец осуждает войну и в ней не участвует, христианин также осуждает войну, но в ней участвует, добиваясь тем самым, чтобы война не уничтожила ни христиан, ни толстовцев, ни кого-либо другого» [9, с. 228].Отсюда С.Л. Франк выводит понятиетрагедии неизбежности, поскольку участие в войне для христианина – это не доблесть и не геройство в обычном смысле, а вынужденное зло, на которое он идет, сознавая его нравственную неполноценность. Для него нет «справедливой войны» в смысле войны, которая была бы морально чиста и угодна Богу, есть лишьменее несправедливаявойна, т. е. оборона против агрессии. Философ восстанавливает традиционное учение о «справедливой войне» (justumbellum), идущее от Августина и Фомы Аквинского, но наполняет его экзистенциальным трагизмом.

С.Л. Франк формулирует следующие критерии «справедливой войны»: во-первых, война должна носить оборонительный, а не экспансионистский, завоевательный характер.Только отражение уже совершающегося или неминуемого насилия может иметь хотя бы относительное нравственное оправдание. Завоевательные же войны, по мнению философа, абсолютно несовместимы с христианством. Впрочем, этот тезис неприменим к войнам мирового, глобального масштаба, конфликтам, превратившимся из сугубо военного или политического в общечеловеческое и объективное, когда «речь идет не просто о подчинении противника своей воле, а о доказательстве объективной справедливости этой воли»

[7, с. 43]. Во-вторых, речь идет о законной власти как об источнике военно-политического решения, каковое должно исходить не от частных лиц или групп, а исключительно от легитимного суверена (государства). В-третьих, философ говорит о соразмерностиприменяемых военных средств. С.Л. Франк, как и многие христианские мыслители, осуждает чрезмерную жестокость, массовые убийства мирных жителей, варварские методы ведения войны. Несмотря на то, что «по самому существу своему всегда была и есть стихия разрушения, разнуздания слепых демонических сил человекоубийства и жестокости» [11, с. 377], все же следует избегать разрастания и укоренения ненависти, которая, распространяясь, «вливаясь в мир, обладает способностью увековечивать себя; перескакивая, как искры пожара, из одной души в другую, она рождает из духа мщения всё новые ненависти и тем самым новые злодейства и разрушения... победитель оказывается в конце концов побежденным духом ненависти, им порожденным» [12,с. 20].

Еще один критерий – наличие надежды на мир, поскольку война не должна вестись как самоцель, но каждое сражение должно быть подчинено логике восстановления мира, пусть и несовершенного: «чрезвычайно важную роль в мышлении Франка играет момент перехода от данности войны, как состояния демонического безумия бытия, к миру как базовому свойству и ценности бытия» [3, с. 224]. И все же решающим моментом в формулировании данных критериев является позиция философав осознании «справедливой» войныкак нравственного компромисса для христианина. С.Л. Франк отказывается от лицемерного самооправдания, столь характерного для военной пропаганды, прямо заявляя, что христианин, убивающий на войне,грешит: «Всякий, совершивший убийство, есть грешник» [11,с. 230]. Но этот грех – в определенных условиях – может быть меньшим зломпо сравнению с грехом невмешательства, который позволил бы агрессору уничтожить невинных. Этот тезис не имеет ничего общего с казуистикой иезуитов (цель оправдывает средства), он отражает именно трагедию человека, вынужденного выбирать между двумя грехами, и выбор его остается грехом, требующим покаяния.

С.Л. Франк формулирует важнейшее различие междунравственной оценкой войны в целоминравственным состоянием воюющего:война как социальный феномен есть зло, порождение греховной природы человечества, но отдельный солдат, идущий на смерть за ближних своих (в смысле – за свой народ, семью, культуру), в субъективном плане может быть воправдан, а его жертва может быть определена как акт высшего служения. Такое положение вещей снимает абсолютное осуждение, однако не превращает войну в благо. Так С.Л. Франк преодолевает тупик, в который заходит как абстрактный пацифизм, осуждающий солдата, защищающего беззащитного человека от насильника, так и милитаризм, освящающий насилие как добродетель.

Идея «служения» и «жертвы»как оправдание участия в военных действиях в работе «С нами Бог»

Наиболее полное и эмоционально насыщенное выражение идеи войны как служения Франк дает в своей работе«С нами Бог»(издана в 1946 г.). Этот текст, написанный в разгар Второй мировой войны, когда С.Л. Франк, еврей по происхождению и христианский философ, бежавший от нацистов из Германии во Францию, а затем в США, воспринимает борьбу против гитлеризма как экзистенциальный выбор. Именно здесь его абстрактная метафизика войны обретает плоть и кровь исторической конкретики.

Книга «С нами Бог» [13] (полное название – «С нами Бог. Три размышления» – о Евангелии от Иоанна, о молитве Господней и о войне) содержит центральную главу, посвященную войне. В отличие от более ранних работ мирного периода, здесь философ говорит от лица христианина, которыйуженаходится в состоянии войны, сталкиваясь с неотвратимой необходимостью принятия мировоззренческого решения. Его главный тезис заключается в том, что война против нацизма естьрелигиозное служение, а не только политическая необходимость, потому что нацизм, по убеждению философа, представляет собой не просто политическую агрессию, носатанинский бунт против Бога, форму воинствующего безбожия, расистского идолопоклонства. В этом пункте С.Л. Франк солидаризируется с И.А. Ильиным и Н.А. Бердяевым, предлагая, однако, свою собственную философскую аргументацию. Борьба с нацизмом, по его мнению, это не борьба государства А против государства Б за территорию или ресурсы, это борьбадобра со зломв метафизическом измерении. Однако – и здесь С.Л. Франк остается последовательным – он не называет войну «священной» и не приравнивает советских солдат к крестоносцам (оставаясь противником коммунизма). Но при этом он утверждает, что объективно, независимо от идеологических лозунгов воюющих сторон, сопротивление гитлеризму естьне что иное, как защита образа Божия в человеке.

Для С.Л. Франка центральными категориямитакого оправдания становятся категории служения ижертвы в его переосмыслении евангельской заповеди «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). В обыденности эта заповедь имеет сугубо мирную коннотацию как мученичество за веру, самоотверженная помощь ближнему. С.Л. Франк распространяет эту заповедь и на воинское служение, когда солдат, идущий в атаку, чтобы остановить уничтожение своего народа,отдает жизнь (душу) за ближних – жену, детей, стариков, за свою культурную и духовную традицию. Объективно такой акт является жертвенной любовью, даже если субъективно солдат не осознает ее в религиозных терминах. Приведем строки из работы философа «С нами Бог», разъясняющие смысл отождествления понятий «жизнь» и «душа»:

«Все три синоптических евангелия передают слова Христа: «Если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою обречь, тот потеряет ее: а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мтф., 16, 24–25, Марк, 8, 34–35, Лука, 9, 23–24). Как известно, греческое psyche, переводимое словом «душа», означает также жизнь; и смысл последнего стиха состоит в том, что человек, боязливо охраняющий свою жизнь, руководимый «инстинктом самосохранения», обречен на гибель, тогда как истинный, царственный путь спасения состоит в самопожертвовании, в готовности отдать свою жизнь ради Христа или – что то же – во имя любви. С этим совпадает указание высшей меры любви, в которой она становится, очевидно, причастным существу Христовой любви, и человек подлинно следует пути Христову: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15, 13)» [13, с. 312].

Здесь, однако, С.Л. Франк делает важную оговорку: воинское служение становится христианским только тогда, когда оносвободно от ненависти (об этом было сказано выше). Можно убивать врага на войне, но нельзяненавидетьего как человека, поскольку ненависть есть грех, разрушающий душу воина и уподобляющий его тому злу, с которым он борется. Философ формулирует главный парадокс христианского воина, готового убить врага и при этом молиться о его вразумлении и сохранять в сердце любовь к нему как к образу Божию – омраченному, но не уничтоженному. Безусловно, такое требование практически невыполнимо в пылу сражения, но оно задает вектор аскезы, а само выражение «с нами Бог» означает, что Бог не благословляет наше насилие, нопрощаетего, видя нашу жертвенную любовь к тем, кого мы защищаем: «У Франка… любовь ставит внутреннюю границу внешней борьбе со злом, не размыкает, а изнутри взрывает замкнутый круг насилия и мести, определяет не только личное отношение к ближнему, но и «политику» [2, с. 44].

Особое место в этой концепции занимает темажертвы. С.Л. Франк отвергает утилитарное понимание войны как необходимой меры, здесь жертва не является средством для достижения победы,она –самоценныйактуподобления Христу. Воин, погибающий на поле брани, вступает в мистическое соучастие в Крестной Жертве. Его смерть – это не просто потеря боевой единицы, а повторение в историческом времени того же онтологического действия, которым Христос победил смерть. Принцип «Кровь мучеников – семя Церкви», сформулированный Тертуллианом, С.Л. Франк применяет и к павшим воинам, с той лишь оговоркой, что мучениками в строгом смысле становятся лишь те, кто убит не во имя родины, а во имя веры Христовой. Тем не менее, он проводит аналогию: подвиг солдата, защищающего свою землю от насильников, естьодна из форммученичества.Интересно, что в работах периода Второй мировой войны С.Л. Франк полемизирует с двумя позициями внутри христианского мира. С одной стороны, с позицией «христианских пацифистов»

(например, части протестантов), которые в условиях 1941 года продолжали настаивать на абсолютном непротивлении. С.Л. Франк называет эту позицию моральной слепотой, ибо отказ от борьбы с нацизмом фактически означает соучастие в истреблении евреев и славян. С другой стороны, он полемизирует и с позицией националистического милитаризма, освящающего войну как самоцель и воспевающего насилие. Здесь его оппонентом выступает уже не И.А. Ильин (хотя С.Л. Франк и критикует излишнюю эстетизацию войны у некоторых русских философов), а «христианские немцы», поддержавшие Гитлера [14].

В итоге С.Л. Франк предлагает сложную диалектику, где война – это, безусловно,зло, однако в ситуации, когда большее зло (например, уничтожение человеческого в человеке) можно предотвратить исключительно меньшим злом (например, вооруженным насилием), христианин обязан выбрать меньшее зло при условии осознания его греховностиготовности к покаянию. Идея служения заключается в том, что солдат отдает его не государству, не идеологии, а Богу посредством защиты ближнего. Идея жертвы заключается в том, что он восстанавливает нарушенную грехом гармонию ценой собственной жизни, становясь живым мостом между внешним и внутренним бытием.В этом пункте учение С.Л. Франка достигает своей высшей точки, когда война перестает быть просто проблемой политической этики и становится проблемойсотериологической. Участие в войне может стать для христианина путем к спасению вовсе не потому, что убийство врагов угодно Богу, но потому, что жертвенная любовь к ближнему, доведенная до готовности отдать за него жизнь, являетсяпроявлением высшей добродетели. И если эта готовность реализуется в обстоятельствах войны, то сама война, оставаясь злом, парадоксальным образом становитсяместом встречи с Богом(отсюда название книги «С нами Бог» – Бог не с нами в нашем насилии, но Он с нами в нашей жертве).

Заключение

Таким образом, социально-христианская концепция войны С.Л. Франка представляет собой оригинальный синтез метафизики соборности, политического реализма и персоналистической этики. Она избегает как наивного пацифизма, так и агрессивного милитаризма, предлагая модельтрагического действия, когда человек делает то, что вынужден делать, но делает это с сознанием своей греховности и с надеждой на Божье милосердие. Для истории русской философии первой половины XX века эта концепция остается одним из самых тонких и нравственно ответственных подходов к проблеме войны, сохраняющим свое значение и в современных дискуссиях о границах христианского реализма в политике. Метафизика соборности и дихотомия «внутреннего» и «внешнего» бытия позволяют С.Л. Франку обосновать онтологическую укорененность войны в структуре падшего общества, не смешивая ее с нормами духовной жизни.Проблема войны осмысливается им как трагический

компромисс, где справедливая оборона есть меньшее зло, которое остается злом и требует покаяния. Концепция С.Л. Франка занимает срединное положение между этикой абсолютного непротивления и этикой священной войны, предлагая уникальный для русской религиозной философии образец христианского политического реализма.

Список литературы

1. Алёхина Е.В., Заложных Ю.С. О национальной идеологии и государственном суверенитете // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 87–98.
2. Антонов К.М. От Канта к Франку: этика долга и проблема сопротивления злу в русской мысли // Кантовский сборник. 2023. Т. 42. № 1. С. 10–51.
3. Антонов К.М. Христианская политика как путь от войны к миру: проблема миротворчества в философии С.Л. Франка // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 4. С. 202–232.
4. Колесниченко Ю.В. Жизнь и творчество Н.А. Бердяева в изгнании – женским взором // Я искал истины... Материалы «круглого стола», посвященного 150-летию Н.А. Бердяева. Санкт-Петербург, 2024. С. 228–251.
5. Коробов-Латынцев А.Ю. Философ и война. О русской военной философии. 2-е изд. М.: Русская философия, 2022. 250 с.
6. Кошарный В.П., Бабина В.Н. Философское наследие С.Л. Франка в публикациях последних лет // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 2 (42). С. 122–133.
7. Куманьков А.Д. С.Л. Франк в поисках духовного смысла Великой войны // Философские науки. 2017. № 3. С. 38–52.
8. Курабцев В.Л. Православие или ценности запада? // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2023. С. 58–61.
9. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216–230.
10. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне / сост. И.С. Даниленко. М.: Жуковский: Изд. «Кучково поле», 2005. С. 402–412.
11. Франк С.Л. Свет во тьме. Минск: Изд. Белорусского Экзархата, 2011. 832 с.
12. Франк С.Л. Христианская совесть и реальная политика // Духовный арсенал. 2022. № 1 (7). С. 15–26.
13. Франк С.Л. С нами Бог // Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 217–404.
14. Франк С.Л. Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / под редакцией протоиерея о. Василия Зеньковского. Мюнхен: Б.и., 1954. 193 с.
15. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Антология журнала «Русская Мысль» (1910–1918): философия и политика /сост. и пред. М.А. Колерова. Калининград: Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2024. С. 487–495.

The social-christian concept of war in S.L. Frank's works

Y.V. Bondareva, A.V. Leonov

State University of Education, Moscow

Drawing on Frank's doctrine of conciliarity and the dichotomy of the inner (spiritual-moral) and outer (institutional-legal) human existence, the metaphysical preconditions for the thinker's approach to armed violence are revealed. Key attention is given to the concept of "tragic compromise": war is interpreted as a necessary evil that a Christian can choose only in a situation of defense against aggression, recognizing its sinfulness and in need of repentance. Criteria for a «just war» as interpreted by Frank are formulated (defensive nature, legitimate authority, proportionality of means, and hope for peace). Using the material from the work «God With Us», it is shown how the categories of service and sacrifice allow for the moral justification of participation in military action without transforming violence into a virtue. It is concluded that Frank's concept occupies a middle ground between eschatological pacifism and militarism, offering a model of Christian political realism unique to Russian religious philosophy that remains relevant in contemporary discussions about the ethical limits of the use of force.

Keywords: *S.L. Frank, war, socio-Christian concept, conciliarity, dichotomy of inner and outer existence, tragic compromise, just war, Christian political realism, service, sacrifice, moral compromise, ethics of nonviolence, repentance.*

Об авторе:

БОНДАРЕВА Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения г. Москва; https://orcid.org/0000-0002-0438-4035. E-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ЛЕОНОВ Алексей Владимирович – аспирант, кафедры философии, Государственного университета просвещения, г. Москва; https://orcid.org 0009-0004-8909-0985;E-mail: leonoff@rambler.ru

Author information:

BONDAREVA Yana Vasilievna – PhD (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, State University of Education, Moscow; https://orcid.org/0000-0002-0438-4035; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

LEONOV Aleksey Vladimirovich – postgraduate Student, Department of Philosophy, State University of Education, Moscow; https://orcid.org 0009-0004-8909-0985; E-mail: leonoff@rambler.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2026.